DOI: 10.22394/2304-3369-2020-6-81-93 ВАК: 22.00.06

ПОДРОСТКОВАЯ НЕНАВИСТЬ В РУНЕТЕ

В.И. Красиков[1 a]

[a]Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

АННОТАЦИЯ:

Постановка проблемы. В литературе, посвященной исследованиям деструктивной активности в киберпространстве, большинство работ имеет своим предметом политические группы. Между тем, имеются радикальные сообщества неполитической направленности, вызывающие негативный общественный резонанс, но еще не ставшие объектом систематических теоретических усилий. К ним относятся подростковые интернет-объединения экстремистской направленности.

Цель. Статья имеет своей задачей сопоставительный анализ подростковых интернет-сообществ в российском сегменте интернета, отличающихся ярко выраженной риторикой ненависти: молодежь, ориентированная на криминальные ценности и российские скулшутеры. Эти группы сопоставлены по ряду мировоззренческих, социальных, организационных и лингвистических параметров.

Методы исследования. Реализация этих задач требует использования как теоретических, так и эмпирических приемов исследования. Во-первых, это категориально-критериальный анализ составление тезауруса и критический дискурс-анализ. Во-вторых, это сбор материала при помощи общих и специальных поисковых программ и информационно-поискового тезауруса. Центральный концепт исследования и одновременно его критерий – это понятие ненависти.

Результаты. 1. На основе анализа соответствующего контента социальных сетей, интернет-аккаунтов и при помощи разработанного тезауруса, выявлена совокупность интернет-сообществ с характерной хейтерской симптоматикой. Установлены основные интернет-ареалы и аккаунт-дислокации выявленных групп ненависти, примерные вариации их представленности в социальной сети «ВКонтакте». Составлены содержательные «паспорта» их основных мировоззренческих и субкультурных характеристик, ставшие основой для их сопоставительного анализа.

Научная новизна. Подтверждена гипотеза о широком распространении в настоящее время подростковых интернет-объединений с ярко выраженной риторикой ненависти. Выявлены и сопоставлены между собой сообщества А.У.Е. и скулшутеры по ряду признаков.

Практическая значимость. В результате определен диапазон социальной опасности этих групп ненависти. По ряду критериев они отнесены к экстремистским из-за систематичности применения физического насилия и наличия жертв. Материалы статьи могут заинтересовать как ученых-обществоведов, так и практических управленцев, а также специалистов по проблемам безопасности.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31650.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: группы ненависти, скулшутеры, А.У.Е., радикальная активность, речевая агрессия, криминальная субкультура.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Красиков В.И. (2020). Подростковая ненависть в рунете // Вопросы управления. № 6. С. 81–93.

Постановка проблемы

Содержание российского сегмента интернета неоднократно становилось объектом рассмотрения с лингвистической, культурологической, социологической, политологической, философской и других точек зрения. Особенно дотошно исследовались его радикальные фрагменты, потенциально опасные с точки зрения общественной безопасности. Причем здесь явственно неравномерное распре-

[1]AuthorID РИНЦ: 75720, ORCID: 0000-0002-8850-5550

© Красиков В.И., 2020

деление приоритетов. Львиная доля усилий уделена анализу ярко выраженных политических форм радикализма: политико-религиозного толка (прежде всего квази-исламского экстремизма), политико-националистического характера (шовинизм, сепаратизм и пр.), протестных движений системной и несистемной оппозиции [1–16].

Между тем в последние два десятилетия появились новые радикальные интернет-сообщества, которые мотивированы в своем появлении и другими важнейшими аспектами человеческого существования, помимо политического, националистического или религиозного, такими как возрастной, личностно-психологический и др. Их роднит с политическими формами радикализма интенсивно проявляющиеся в их активности профили ненависти к определенным группам людей. Отличает же – отсутствие определяющей политической вовлеченности. Подобные сообщества, группы приобрели, особенно в последнее время, большой и довольно негативный медийный резонанс, однако остаются вне поля внимания специального теоретического анализа, пребывая в основном в сфере публицистического дискурса. Имеющиеся исследования еще довольно немногочисленны [17–20]. Это обуславливает научную актуальность и значимость предлагаемого исследования.

Конкретная научная задача

Задачей данного исследования является сопоставительный анализ подростковых интернет-сообществ, отличающихся ярко выраженной риторикой ненависти: скулшутеров и молодежи, ориентированной на криминальные ценности. Мы намерены сопоставить их по ряду мировоззренческих, социальных, организационных и лингвистических параметров.

Методологическая база

Реализация потребует использования как теоретических, так и эмпирических приемов исследования. К числу первых можно отнести категориально-критериальный анализ, составление тезауруса и критический дискурс-анализ. Методы эмпирического исследования: сбор материала при помощи общих и специальных поисковых программ, информационно-поискового тезауруса; анализ полученного контента.

Центральным концептом и одновременно критерием является понятие «ненависть».

Количество определений ненависти необъятно. И это вполне ожидаемо от попыток дефинирования столь базовой человеческой эмоции. Мы выбрали определение А. Ребера[2]: «Ненависть – это глубокая, длительная, интенсивная эмоция, выражающая злость и враждебность к человеку, группе или объекту», она «характеризуется: а) желанием причинить вред или боль объекту эмоции; б) чувствами удовольствия от неудач объекта»[3]. Выбор обусловлен удачной и краткой атрибуцией основных качеств: интенсивность, длительность и захваченность людей этим чувством. Так, другие исследователи либо указывают все эти важные характеристики по отдельности, либо включают в определения «ненависти» мало проясняющие метафоры (например, «крайний гнев, отвращение»[4]).

Особенность нашего исследования заключается в анализе активности тех подростковых групп (интернет-сообществ), у которых именно ненависть является системообразующим началом и основным идентификационным отличием. Главный критерий, по которым мы их выделяем: ненависть как основообразующее для них начало – это стержень и смысл их существования. На первом плане у них интенсивное желание поражения в правах своего противника и самоутверждение посредством этого.

Информационная база

Исследование проводилось в виде ручного интернет-поиска по заранее составленным и уточняемым в ходе практики тезаурусам с

[2]Ненависть // Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. URL: https://www.psyoffice.ru/6-487-nenavist.htm (дата обращения: 30.10.2020).

[3]Байковский Ю. В., Самойлов Н. Г., Алёшичева А. В. Экстремальная психология: словарь терминов. М. : АГСПА, 2018. С. 84.

[4]Военно-психологический словарь-справочник / под общ. ред. Ю. П. Зинченко. М. : ИД Куприянова ; Общество психологов силовых структур, 2010. С. 166.

[5]Мониторинг соцсети ВКонтакте. URL: https://vktoppost.ru/ (дата обращения: 30.10.2020).

использованием как общих поисковиков, так и специальных программ на базе социальных сетей[5].

Подростковые группы ненависти, объединяющиеся действительно на основе сильнейшей профильной эмоции против определенных категорий других людей, были выявлены, в итоге, по наличию в их названии словмаркеров, соответствующих их лексике: «пацаны», «братва», «шмары», «гопота», «жизнь ворам», «ненавижу школу», «уничтожим школы», «убить училку» и др.

Следует сказать, что условия поиска подобных групп изменились в последние два года – из-за политики блокировок Роскомнадзора, предпринявшим меры борьбы против них[6]. Он, по сути, вывел из легального оборота интернет-лейблы, прямо указывающие на профиль объединений, успевших дискредитировать себя в сравнении с более ранними исследованиями этих групп [21]. Такие слова как «скулшутинг», «А.У.Е.» и др., бывшие ранее маркерами этих сообществ, сейчас просто табуированы в легальном интернет-обороте, что в известной степени затруднило поиск. Кстати, можно перевести аббревиатуру «А.У.Е.» как «арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство» Это есть название криминальной субкультуры, состоящей из несовершеннолетних. Данное молодежное сообщество пропагандирует среди несовершеннолетних криминальные ценности, требует соблюдения «воровского кодекса» со сбором денег на их фонд взаимной поддержки («общак»)» взамен обещая защиту [22].

Решение научной проблемы

Мы выявили ареалы и масштабы интернет-распространения подобных групп, установили численность их подписчиков, особенности коммуникативной активности этих деструктивных объединений. Остановимся на них более подробно.

Генезис блатной культуры, основанной на своих столпах-носителях – «ворах в законе», возводят к концу XVII – началу XVIII вв. Однако, вышла из состояния маргинальности она в годы сталинских репрессий, когда значительная часть населения прошла через лагеря[7] . Были созданы своя мораль, свой кодекс поведения и даже своя незатейливая «философия». Уличные хулиганы, подростковые банды всегда были, так сказать, резервом криминального подполья в любом обществе, в том числе и у нас. И с появлением киберпространства, социальных сетей молодые люди из известных слоев общества и местностей стали сбиваться в аналогичные подворотням виртуальные группы.

Причем эти группы не локальны, а хорошо скоординированы, существуют в российском сегменте интернета в виде довольно тематически разработанного интернет-сайта Быдла.NET[8] с почти 9 тыс. зарегистрировавшихся. В отличие от просто настенных фотообъявлений, здесь уже даже есть нечто вроде «концепции».

Однако, все же основное количество молодежи, так сказать «гопнической направленности», пребывает в социальных сетях. Ключевыми словами для поиска групп ВКонтакте, ориентирующихся на воровскую культуру, были: «пацаны», «братва», «гопота», «воры» («жизнь ворам»), «ненавидим мусоров», «шмары» и др.

Наибольшее количество названий групп (2 170), причем лишь по Москве, связано, так или иначе, со словом «пацаны». Кроме нескольких десятков объединений поклонников известного сериала, все же большая часть представлена молодежью, ориентированной на воровские ценности. Они актуально действуют и быстро прирастают. Причем впечатляет число подписчиков: так, у группы с мелодраматическим названием «Душа пацана» их более 533 тыс.[9]

[6]Роскомнадзор. Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. URL: http://eais.rkn.gov.ru/ (дата обращения: 31.10.2020).

[7]Уголовная империя. 2001–2017 гг. Дополнения А. Захарова. URL: https://aferizm.ru/criminal/crime_kingdom.htm (дата обращения: 31.10.2020).

[8]Быдла.NET. URL: http://bidla.net/forum/topic_8338/ (дата обращения: 31.10.2020).

[9]Душа пацана // ВКонтакте. URL: https://vk.com/public33009863 (дата обращения: 31.10.2020).

Другой популярный бренд – «братва»; с ним в Москве представлено 987 групп: от 5 600 подписчиков в «топовой» группе «Будни пацана»[10] , причем все группы именно «приблатненные». Количество групп, содержащих в названии слово «воры» – 275, «гопота» – 77, «шмары» – 36, «жизнь ворам» – 20.

Их контент сводится к картинкам с «пацанскими мудростями», фотографиям люксовых машин и полуобнаженных девушек. Иногда можно встретить цитаты из блатных песен, видео о ворах в законе и жизни на зоне.

История скулшутинга (англ. *school shooting* – атаки в учебных учреждениях) начинается 20 апреля 1999 г., когда американские подростки Эрик Харрис и Дилан Клиболд устроили бойню в школе «Колумбайн» штата Колорадо. Тогда были убиты 13 человек, еще 23 получили ранения, сами убийцы застрелились. Феномен «Колумбайна» во многом объясняется целым комплексом факторов, которые вкупе создали некий культ с большой примесью подросткового романтизма непонимания, неприкаянности и мелодрамы мести. Это образы самих террористов: черные плащи, очки. Голливудский сюжет: травля одноклассниками, непонимание со стороны родителей и часовая сладостная месть расстрела, записанная на любительскую камеру, прощальный ролик и самоубийство. Кстати, снято порядка десятка фильмов о ненависти в школе, в том числе и под влиянием истории Харриса и Клиболда. Не хватало лишь мощного звукового ряда – и он появился в 2010 г., когда инди-поп-группа *Foster the People* выпустила песню (клип) «Pumped Up Kicks», разошедшуюся тиражом в 4 млн копий, ставшую, по сути, гимном культа, с припевом: «Вам лучше бежать, лучше бежать быстрее моей пули». Наконец, появились и литературе дневниковые записи самих убийц.

Проблемы всюду одни, и глобализующийся мир воспроизводит единые паттерны. В России произошло более 10 случаев совершения скулшутинга по образу последователей преступников из Колумбайна, из них наиболее массовым стал расстрел 17 октября 2018 г. в Керчи в местном политехническом колледже, когда восемнадцатилетний студент Владислав Росляков убил 21 человека, ранив 60. Совершение преступления напоминало убийство в Колумбайне (использование взрывчатых веществ, подражание одному из скулшутеров Колумбайна, самоубийство в библиотеке и др.).

Ключевыми словами для поиска подобных групп в социальной сети «ВКонтакте» были: «ненавижу школу», «убить учителя», «сжечь школу» и др.

Таблица 1 – Группы социальной сети «ВКонтакте» по ключевыми словами

Table 1 – Groups of the *VKontakte* social network by keywords

Строка запроса	Число групп	Участников	
		от	до
«ненавижу школу»	417	36	2 578
«убить училку»	15	15	291
«убей учителя»	19	10	281
«ненавижу учителей»	25	10	218
«сожжем школу»	16	10	736
«уничтожим школы»	29	10	205

Правда контент подобных открытых сообществ, к тому же у многих не актуальный, а прошлых лет функционирования, вряд ли можно признать экстремистским. По большей части это инфантильный юмор школьников или же рекламные объявления репетиторов. Предположительно иной контент в закрытых пабликах[11].

Теперь, когда мы определили основной круг «подозреваемых», настало время их сравнения для выявления общих и отличительных черт с целью определения шкалы их общественной вредоносности. О том, что они вредоносны свидетельствует опыт жизни сотен предшествующих нам поколений людей: ненависть между группами людей никогда ни к чему хорошему не приводила.

Выявление этих групп проходило по критерию «ненависти» как их системообразующего начала (смысла объединения) и основного идентификационного отличия. Соответственно, их сравнение целесообразно начать с анализа различий в объектах ненависти, целей и средств деятельности в их отношении.

[10] Будни пацана // ВКонтакте. URL: https://vk.com/budni_pazana (дата обращения: 31.10.2020).

[11] Когда все вместе соберемся, уничтожим нашу школу!!! // ВКонтакте. URL: https://vk.com/club1302617 (дата обращения: 31.10.2020).

Таблица 2 – Объекты ненависти подростковых интернет-групп
Table 2 – Objects of hatred of teenage internet groups

Группа	Объекты ненависти	Причины ненависти	Неприязненные категории	Приязненные категории
А.У.Е.	служащие органов правопорядка («менты», «легавые», «мусора»)	фрустрации, низкий жизненный уровень, социально неблагополучные семьи и проблемные регионы	молодежь не их круга («быдло», «чмори», «лохи»), государство и его институты	спортсмены силовых видов спорта, футбольные фанаты
Скулшутеры	ненависть к не принимающему их конкретному социальному окружению: обидчикам и угнетателям	фрустрации со стороны сверстников; негативная обстановка в семьях; личные психологические проблемы и дисфункции (различные комплексы, депрессии)	так называемые «успешные» ученики, объединенные в разного рода «клики», «банды»: физически более сильные, агрессивные, с большим самомнением	другие школьные аутсайдеры, мстители и борцы за справедливость

Таблица 3 – Ключевые ценности подростковых интернет-групп
Table 3 – Key values of teenage internet groups

Группа	Ключевые ценности	Контекст происхождения ценностей (социо-демографический)	Паттерны активности
А.У.Е.	система ценностей блатного мира: преступления, а не полезный труд; культ безмерного чувственного удовольствия (выпивка, наркотики, секс, хулиганство-преступления); условная социальность («братва», «общак», «авторитеты»); брутальность (душевная грубость и примитивизм)	маргинальная молодежь из неблагополучных семей и депрессивных регионов – следствие проблем, связанных с расширением бедности, незащищенности, исключение молодых из реальных секторов общественной жизни	попойки, драки «за район»; запугивания, провокации и шантаж в отношении одноклассников; установление жесткой иерархии и криминальных порядков в учебных заведениях
Скулшутеры	неонационалистическая идеология (идеи А. Гитлера, А. Брейвика, Б. Таррента и др.)	молодые люди (16-19 лет) с комплексом неполноценности, собственной неоцененности обществом, у которых конфликтные коммуникации со своими одноклассниками и учителями, родителями	участие в ролевых играх, касающихся тем скулшутинга; интерес к оружию; распространение материалов о скулшутинге; историческая реставрация событий скулшутинга

Далее, имея дело со сформировавшимися, в целом, субкультурами, уместно применить для их анализа структурно-семиотический метод, исходя из допущения о структурном сходстве языка и культуры, связи означаемого с означающим. Означающее – это чувственно воспринимаемое в субкультурах: сленг, символика, нормы поведения. Означаемое, представленное в означающем – ментальные конструкции: концепты, идеи или мифологемы [23].

Таким образом, после сравнения ключевых объектов их ненависти, мы сопоставим их ключевые ценности (смыслы), цели (задачи), лингвистические особенности дискурса, символику, степени выражения связей с традициями и общезначимой ценностной сферой, лидеров или «культовых персонажей».

Хотя объединения, являющиеся предметом нашего анализа и называются «группами ненависти» и это чувство является действительно профильным для них, все же есть и другие категории людей, с которыми эти группы каким-то образом выстраивают свои отношения (неприязнь меньшей интенсивности: презрение, недоверие-непонимание), а с некоторыми могут иметь и некие связи приязненности.

Причины ненависти ожидаемы и понятны. Это всегда фрустрации и обиды, независимо от того, насколько они реальны и от кого бы они ни происходили, и насколько социально необходимы они ни были, – они всегда повсеместно присутствуют в нашей жизни.

Группы ненависти так и названы в силу того, что ненависть к конкретным социальным адресатам определяют сам смысл существования этих объединений, когда людям интересна именно сильная нелюбовь к какой-то ка-

тегории, группе. Подобный объединительный импульс предопределяет и общие ценности, и структуры соответствующей активности. Также сюда органично примыкают источники рекрутирования в группы ненависти – они далеко не случайны, сюда приходят и остаются вполне определенные люди.

Анализ-сопоставление ключевых ценностей исследуемых сообществ приводит к довольно неожиданному выводу: все они разделяют эмансипационный порыв, но весьма специфического свойства. Это свобода от ряда обязательств, накладываемых обществом, некоторых традиций, перекраивание в свою пользу соотношения разрешений и запретов. Именно подобной «новой свободой» они и привлекательны для молодого поколения, являющегося их основным «электоратом». Скулшутеры требуют ресентимента как «революции» полного переворачивания ролей господ и угнетателей – хотя бы в своем маленьком приватном мирке. Криминализованная молодежь стремится превратить социальный мир с его конвенциальными нормативными конструкциями в «сумеречную зону» понятий преступного мира.

Ценности сообществ трансформируются во вполне ожидаемые цели, задачи и средства, иначе бы терялся сам смысл объединения людей в сообщества. И здесь очень важно разобраться в том, к чему реально стремятся эти группы и как это подается.

Цели реальные здесь довольно-таки очевидны и связаны все с тем же профилирующим чувством ненависти к определенным группам. Это всегда месть и презрение обидчикам. Все это, однако, непременно маскируется благовидными прикрытиями.

Таблица 4 – Цели подростковых интернет-групп
Table 4 – Goals of teenage internet groups

Группа	Цели	Задачи	Средства достижения
А.У.Е.	Пить, гулять, без оглядки на окружающих, еще и презирать и унижать их; терроризировать их, особенно сверстников, бравируя своей силой и наглостью; навязывая свои порядки	Преступления, обогащение за счет других, эпатажное потребление спиртных напитков, наркотических средств и т.д.; пренебрежение к труду	Соблюдение «воровского кодекса», его интернет-пропаганда; сбор денежных средств, продуктов, одежды в «воровской общак»; нападения на отделы полиции, для освобождения своих сверстников, задержанных за административные нарушения; подготовка к тюрьме как позитивному будущему (инициация на взрослость)
Скулшутеры	месть обидчикам, утверждение своей значимости, посмертная слава и многочисленные обожающие последователи	убить конкретных обидчиков, мучителей; нанести вред молчаливому безучастному большинству	угрозы убийства; предупреждение окружающих о подготовке нападения; публикация в социальных медиа сообщений с датой, ключевой фразой с использованием характерных смайликов «оружия, черепа» и др.; демотиваторы с высмеиванием учителей, их депозитивация

Таблица 5 – Лингвистические особенности дискурса
Table 5 – Linguistic features of discourse

Группа	Лингвистические особенности дискурса	Основные понятия, в которых предстает значимое окружающее	Основные нарративы: популярные типичные повествования
А.У.Е.	общение мало интенсивно, предпочитают визуальный ряд в соц. сетях: фото, граффити, краткие надписи и клипы, более сложные текстовые словесные самовыражения редки, очень обедненная лексика: приторные – по слезливости и банальности – «мысли»	пацаны, легавый, мусора, шмалево, общак, смотрящий, чифир, арестантский уклад един, А.С.А.В., шмары, лохи, терпилы, чмошники	вечеринка (день рождения, выход «на район»), с обязательным обильным возлиянием; столкновения с правоохранителями; рассказы о зоне, воровских авторитетах; разного рода криминальные сюжеты; спорт с элементами насилия
Скулшутеры	навязчивое присутствие в текстах слов, обозначающих насилие, причем в заданном «героями-основателями» формате: бойня, заложники, убивать (стрелять), взрывать, вышибу мозги, отомщу им за все, не приходи завтра в школу	Колумбайн, скулшутеры, Эрик Харрис и Дилан Клиболд, пустить кровь, вышибу мозги училке, всех перестрелять, расстреляю школоту, апрельские мальчики	рассказы о скулшутинге, насилии, личности убийц: их дневниковые записи, записи из медицинских карт, фото из семейного архива, подробное описание последовательности событий преступления; тип оружия, предпочтения в еде

Таблица 6 – Символика подростковых интернет-групп
Table 6 – Symbols of teenage internet groups

Группа	Символы	Атрибутика (цвета, одежда, стрижка и пр.)	Популярные визуальные образы, сюжеты, мемы	Музыка
А.У.Е.	восьмиконечная «роза ветров», «звезда воров»	классика жанра: спортивные костюмы, «качалки», армейские ботинки, короткие стрижки и т. п.	многочисленные фотографии «пацанов» в героических позах, культ силы, оружия; в почете Бодров-младший, герои «Бригады», гангстерские фильмы, смакования унижения полицейских, видеозаписи драк	шансон, приблатненная музыка (*Лесоповал*, *Сектор газа*, *Бутырка*), рэп, панк
Скулшутеры	использование нацисткой и сатанинской символики, аватарки в виде фото скулшутеров или их комиксных вариантов, рисунки (кровь, оружие, мишени)	широкие штаны с карманами, белая футболка (надписи, типа: «Естественный отбор», «Ненависть», «Гнев» и др.) и длинный черный плащ, высокие ботинки	интерес к материалам с шок-контентом: убийства, самоубийства, происшествия, терроризм, пытки, живодерство; интерес к информации, содержащей описание методов и способов убийства/ насилия/самоубийства/изготовления оружия и взрывчатки; оправдание убийства и убийц, мысли о красоте убийства. Видеоконтент, фильмы: «Слон», «Класс», «Боулинг для Колумбины», «Апрельские дожди»	*Foster The People* («Pumped up Kicks»), *Rammstein*, *KMFDM*

Неотъемлемым признаком любой новой субкультуры является создание словаря специфических понятий, которые востребованы для создания своей особой картины мира, предстающей в серии повторяющихся «классических» рассказов (нарративов). В понятиях предстает значимое окружающее с определенного угла зрения, профильного для данной субкультуры, а нарративы сюжетно раскрывают понятия, складываясь как паззлы в некое характерное мировоззрение.

Для них характерна ярко выраженная речевая агрессия, обилие ненормативной лексики, сознательное искажение и снижение речевых средств. В тезаурусе преобладают оскорбительные характеристики, прежде всего своих врагов («мусора», «лохи», «школота», «училки»). Нарративы созданы как для запечатления своей неординарности и монументальности, так и обуздания врага. Среди них почетное место занимают именно насильственное обуздание ненавистника: драки и расстрелы.

И вполне естественно возникновение символического ряда, сопровождающего появление каждой новой субкультуры во всевозможной гамме ее самовыражения. Сюда включается как чистая символика (абстрактные стилизованные изображения или обозначения; повседневная атрибутика или сопутствующие характерные одежда, обувь, стрижка) так и атрибутика, специфичная именно для современной медийной (интернет) культуры – особое визуально-звуковое сопровождение.

Бросаются в глаза явно общие черты этих субкультур в символике: агрессивность, тяготение к воинственности (милитари) и насилию в визуальных образах.

Степень выражения связей с традициями и общезначимой ценностной сферой весьма важна при анализе степени развитости субкультуры, которая оформляется, рано или поздно, при достаточно длительном существовании групп, объединенных единым профильным интересом, в особенности, если он достаточно акцентирован, как в случае с нашими группами. Анализ этой характеристики показывает, насколько далеко зашел процесс самоотделения и самоотличения: как, так сказать, от «бэкграунда» самого общего плана (корневых традиций отечественной культуры), так и от современного культурного контекста. Из всего этого можно также умозаключить насколько далеко группы продвинулись на пути «субкультурного строительства» – в складывании уже своих характерных культурных форм.

А.У.Е. из общезначимых традиций признают лишь семейные и дружеские: «за своих родных и друзей любого порву», «я плохой сын хорошей матери». Вместе с тем ориентированы они все же в основном на блатные традиции. К современным ценностям (образова-

Таблица 7 – Персонализация: лидеры и культовые персонажи

Table 7 – Personalization: leaders and cult characters

Группа	Лидеры	Культовые персонажи	Персонифицированные враги
А.У.Е	Воровские авторитеты прошлого и настоящего, администраторы своих сайтов	Воровские авторитеты, воры в законе, известные бойцы без правил, борцы	Игорь Комиссаров[12], правоохранители всех уровней
Скулшутеры	Актуальные лидеры неизвестны, т.к. участь скулшутера суицидальна по определению, в России наиболее известны погибшие Михаил Пивнев и Владислав Рославлев	Э. Харрис, Д. Клиболд, Дилан Руф, Митчел Джонс, Эндрю Голден, Джефри Уиз, Сын Чи Хо	Наиболее популярные одноклассники, молодежь из богатых семей

ние, карьера, семья) отношение отрицательное, т. к. жизнь вора предполагает существование в своей особой реальности при отторжении нормальной повседневности. Из сформировавшихся своих традиций можно назвать вписки, или посвящения (посвят), т. е. прием в сообщество, сбор средств в общак, следование «понятиям», преследование изменников.

Отношения скулшутеров к традициям и к современной общезначимой ценностной сфере выявить пока не представляется возможным, поскольку их это просто не интересует. Зато можно сказать о формировании коечего, напоминающего «традиции». Это романтизация поведения знаменитых скулшутеров: трансляция их биографических фактов, цитат; популяризация идеи скулшутинга через визуальные образы, мемы, онлайн-сообщества, ролевые игры, спецканалы в мессенджерах.

Как можно видеть из сопоставления отношения групп к традициям и общезначимой ценностной сфере, а также их притязаний на собственное культурное оформление, они имеют достаточно выраженный контркультурный характер.

Предлагаемая рубрикация позволяет в некоторой возможной степени персонализовать данные рунет-сообщества. Естественно, следует отдавать себе отчет в условности приписывания качеств «лидерства» и «культовости» тем или иным личностям – для многих участников групп они могут и не быть вполне таковыми.

Шкала социальной опасности

Попытаемся на основании полученных результатов определить диапазон их социальной опасности: насколько они мешают жить другим, каков вред, причиняемый ими людям. Критериями выступают степень радикализма целей и средств, степень присутствия в «реале» риторики ненависти, общественный резонанс (известность), наличие насильственных актов.

Именно систематичность физического насилия, наличие жертв и являются качественной чертой, за которой начинается не потенциальный, а прямой экстремизм. К экстремистским группам следует отнести и сообщества криминализованной молодежи (А.У.Е.), и скулшутеров. Симптоматично, что первые буквально недавно наконец-то были признаны таковыми официально нашей правоохранительной системой.

Проблема путей противодействия и качественного изменения ситуации

Следует признать, что проблема преступности несовершеннолетних и склонность молодежи к бунту в целом – это не столько характеристика ситуации в абсолютном большинстве современных стран, какими бы отличными в социально-экономическом, цивилизационно-культурном отношении они ни были, сколько, похоже, антропологическая константа.

Трудно и, скорее всего, невозможно, выдумать нечто совсем что-то новое, оставаясь в технологических и социальных рамках совре-

[12]Бывший старший помощник председателя СКР РФ, генерал-майор юстиции, 8 лет назад одним из первых инициировал расследование феномена А.У.Е. Широко известно его выступление по этому поводу в Госдуме, распространенное в рунете. В результате, 17.08.2020 Верховным судом РФ принято решение о признании А.У.Е. экстремистским движением.

менности, но можно обобщить и систематизировать уже имеющееся, ранее высказанные позитивные идеи.

Проблема молодежных девиаций, в нашем случае в электронном пространстве рунета, решаема двумя группами мер: запретительно-ограничивающего, юридического действия и (или) социально-трансформирующего реформистского движения.

Меры первой группы соответственно градации групп по шкале социальной опасности (поведенчески-девиантные, социально-вредоносные, экстремистские) могут быть таковыми: превенция, существенные ограничения и преследование-искоренение. Первые две меры относимы к регуляции интернет-коммуникаций, третья – собственно к юридическим мерам в «реале». Последняя должна стать поводом для дальнейших серьезных обсуждений в юридическом сообществе, а вот первые уже имеют обозримый опыт применения.

Речь идет о практике ограничения деятельности и блокировке вредоносных аккаунтов. Казалось бы, вполне разумный путь, однако последние исследования показывают, что ни временная, ни полная блокировка подобных аккаунтов не приносит долгосрочных результатов. При блокировке одного из лидеров, другие лидеры помогают ему восстановиться или создать новый аккаунт, группы легко перемещаются в другие коммуникационные пространства (социальных сетей, интернет-каналов, мессенджеров и др.). В силу самой архитектоники сети технические средства контроля-блокировки пока невозможны. А это делает малоприменимыми разрабатываемые юридические меры и в «реале».

Коренной недостаток ограничивающе-запретительных мер в том, что они пытаются остановить активность, признанную деструктивной. Однако, помимо того, что действие порождает противодействие, сама энергия отрицания остается, ищет и, в конце концов, находит иные каналы реализации. Это касается того, как устанавливать преграды в русле текущей реки – будучи остановленной в одном месте, она тут же пробивает себе новые русла. Иное дело, если попытаться изменить вектор самой энергии, с отрицательного (для общества) значения – на позитивный.

Это в принципе возможно: при помощи педагогов, социальных работников, психологов, которые смогут убедить молодежь идентифицировать себя с установленным порядком и научить ее получать удовольствие от соответствия ему. Либо решить проблему склонности к бунту при помощи других молодых людей, вдохновленных новыми великими идеями, позволяющими им сделать в жизни что-то важное и задать творческий тон и новую моду для своих сверстников [24]. Увы, новые «великие идеи» всегда в большом дефиците, но вот создавать позитивные идентификации, нужные для сохранения имеющихся мировоззренческих балансов и социальных контрактов – задача вполне решаемая, хотя и основательно подзабытая на уровне принятия высших управленческих решений.

Итак, подведем итоги и сделаем выводы из проведенного исследования. Получены следующие результаты (установлены факты):

1. На основе анализа соответствующего контента социальных сетей и интернет-аккаунтов при помощи разработанного тезауруса выявлена совокупность интернет-сообществ с характерной «хейтерской» симптоматикой.

2. Установлены основные интернет-ареалы и аккаунт-дислокации выявленных групп ненависти, примерные вариации их представленности в социальной сети «ВКонтакте».

3. Составлены содержательные «паспорта» их основных мировоззренческих и субкультурных характеристик, ставшие основой для их последующего сопоставительного анализа.

Выводы

Подтверждена исходная гипотеза исследования о том, что имеется ряд сходных неполитических интернет-объединений, отличных от других объединений вызывающе опасным для социума признаком. Это ненависть определенной группы людей к другим по одному общему основанию. В группы ненависти объединяются люди, полагающие себя униженными и обиженными некими общими «другими». И хотя опыт унижения и обид отдельных людей конкретен, он экстраполируется на всю категорию «обидчиков».

Особенно это характерно для групп подростков А.У.Е. и скулшутеров. Так неудачи и унижения в индивидуальном опыте общения

с дворовыми и школьными хулиганами универсализуются, становятся вмененной атрибутикой всей противополагаемой категории, а именно «не наших ребят» («быдла», «школоты»). Так формируется и объект ненависти, и прочное объединительное начало существования этих групп.

Другой общий признак – это попытка перекроить традиционно установившееся соотношение разрешений и запретов, утвердив тем самым свою «новую свободу». Для скулшутеров – свободу апокалиптического ресентимента, для криминализованной молодежи – свободу «сумеречной зоны» понятий преступного мира.

Следующий общий признак – «двойная бухгалтерия» целей и средств: одни – для презентации, другие – для внутреннего негласного взаимопонимания и эмоционального единения. Подобная «бухгалтерия» нужна для «нормализации» своей субкультуры, придания ей респектабельности, а себе – чувства неординарности, особой значимости и роли в обществе, истории, повседневной жизни, для упреждения обвинений в экстремизме и ненависти.

Далее для них является общим и ярко выраженная речевая агрессия, обилие ненормативной лексики, сознательное искажение и снижение лингвистических средств: преобладание в тезаурусе оскорбительных характеристик, в нарративах – сюжетов собственной исключительности и обуздания «врага». Другие явно общие черты у них в символике: агрессивность, тяготение к воинственности и насилию в визуальных образах.

Наконец, можно умозаключить на основе сопоставления, что они уже определенно стали субкультурами. Здесь также можно говорить о стабильности условий их воспроизводства – до тех пор, пока существуют, прежде всего, социально уязвимые семьи и депрессивные регионы. Можно предположить, что если качественно изменится отечественная социальная политика, то база молодежного хулиганства резко сократится.

Некоторые затруднения вызвал анализ и оценка субкультуры скулшутеров. С одной стороны, у них уже существует своя символика, мифология, музыка, воспроизводимые независимо от особенностей культур или местных социально-экономических условий. С другой – она существует, в основном, онлайн, а крайне молодой, эмоционально-нестабильный, мировоззренческо-незрелый и текучий состав делает их перспективы мало определенными.

Наконец, определен диапазон социальной опасности этих групп ненависти. По ряду критериев они отнесены к экстремистским из-за систематичности применения физического насилия, наличия массовых жертв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бареев М.Ю., Качурина И.О. (2019). YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионология. Т. 27. № 3. С. 572–587.

2. Никитина Т.А., Терентьева И.А. (2019). Противодействие распространению экстремистской идеологии в информационном пространстве России // Вестник Поволжского института управления. Т. 19. № 3. С. 100–106.

3. Бутенко А.С. (2019). Экстремизм в сети Интернет: понятие и сущность // ЮристъПравоведъ. № 2 (89). С. 57–61.

4. Пащенко И.В. (2018). Идеология террористических сообществ в сети Интернет: технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. № 1 (2). С. 12–24.

5. Буткевич С.А. (2018). Экстремизм и терроризм в киберпространстве: выявление, нейтрализация и предупреждение // Вестник Краснодарского университета МВД. № 1 (39). С. 17–22.

6. Нерубенко А.С., Елисеева Е.С. (2018). Экстремизм как социально-правовое явление: распространение экстремистских материалов в сети Интернет // Вестник Белгородского юридического института МВД России. № 1. С. 41–44.

7. Болдырев Е.В., Гонтаренко Н.Н. (2020). Молодежный экстремизм в социальных сетях: анализ основных трендов и мер противодействия. Обзор // НЦПТИ. Вып. 2 (21). С. 37–46.

8. Мурюкина Е.В. (2017). Медиаобразовательный анализ террористических сайтов для молодежи // Медиаобразование. Media Education. № 1. С. 198–212.

9. Рудик М.В., Волков Д.В. (2017). Социальные сети как средство распространения экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД. № 2 (36). С. 32–35.

10. Ключко Е.И. (2016). Социально-интегративные аспекты дискурсивных практик националистических интернет-сообществ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 16. № 2. С. 69–73.

11. Стышинский М. (2016). Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. № 5 (59). С. 158–164.

12. Быкадорова А.С., Чурилов С.А., Шаповалова Е.В. (2016).Экстремизация молодежной аудитории сети Интернет // Казанский педагогический журнал. № 3. С. 181–184.

13. Ушкин С.Г. (2014). Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // Социологические исследования. № 6. С. 127–133.

14. Антонова Ю.А. (2012). Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи // Политическая лингвистика. № 4. С. 71–80.

15. Салимовский В.А., Ермакова Л.М. (2011). Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (15). С. 71–80.

16. Кузьмин А.Г. (2008). «Правый» Интернет в России: специфика развития и проблемы противодействия // Политэкс. Т. 4. № 3. С. 75–96.

17. Меняйло Д.В., Иванова Ю.А., Меняйло Л.Н. (2019). АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. № 3. С. 107–111.

18. Чирун С.Н. (2019). Молодежное «АУЕ» как интегральный феномен российского постмодерна. Мониторинг общественного мнения // Экономические и социальные перемены. № 1. С. 49–65.

19. Демидова-Петрова Е.В. (2018). Информационный фактор в детерминации современной преступности несовершеннолетних (на примере феномена «А.У.Е.») // Криминология и криминалистика. № 1. С. 20–23.

20. Карпов В.О. (2018). Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. Т. 9. № 4. С. 442–446.

21. Самосват О.И., Брежнева Т.С., Шмеерова Е.Р. (2020). Эффективность блокировки деструктивных групп в социальных сетях // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). № 1. С. 109–122.

22. Гребенщиков А.А., Гребенщикова Л.А. (2019). Пропаганда социально-негативного поведения среди несовершеннолетних как общественно опасное явление // Проблемы правоохранительной деятельности. Белгород: Белгородский юридический институт МВД им. И. Д. Путилина. № 3. С. 24–28.

23. Малахова Е.В. (2014). Методологические подходы и принципы исследования современной молодежной субкультуры // Известия МГТУ «МАМИ». Т. 5. № 1 (19). С. 129–132.

24. Маршалл Ходжсон. (2013). История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней. М. : Эксмо. 1484 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор; Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (117638, Россия, Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1); KrasVladIv@gmail.com.

TEENAGE HATRED IN RUNET

V.I. Krasikov[13 a]

[a]All-Russian State University of Justice

ABSTRACT:

Problem definition. In the academic literature devoted to studies of destructive activity in cyberspace, most of the works have political groups as their subject. Meanwhile, there are radical communities of non-political orientation that cause a negative public response, but have not yet become the object of systematic theoretical efforts. These include teenage Internet associations with an extremist orientation.

Purpose. The article aims at a comparative analysis of teenage Internet communities in the Russian segment of the Internet that are characterized by the rhetoric of hatred: young people focused on criminal values and Russian school shooters. These groups are compared according to a number of ideological, social, organizational and linguistic parameters.

Method of research. The implementation of these tasks requires the use of both theoretical and empirical research techniques. First, it is a categorical-criteria analysis, a thesaurus, and a critical discourse analysis. Secondly, it is the collection of material using general and special search programs and information and search thesaurus. The central concept of research and at the same time its criterion is the concept of hatred.

Results. Based on the analysis of the relevant content of social networks, Internet accounts and using the developed thesaurus, a set of Internet communities with characteristic hater symptoms was identified. The main Internet areas and account locations of the identified hate groups, as well as approximate variations of their representation in the Vkontakte social network, are established. Substantial "passports" of their main ideological and subcultural characteristics were compiled, which became the basis for their comparative analysis.

Scientific novelty. The hypothesis about the widespread use of teenage Internet associations with the rhetoric hatred is confirmed. Community of J.R.U. and school shooters Identified and mapped according to a number of grounds.

Practical significance. As a result, the range of social danger of these hate groups is determined. According to a number of criteria, they are classified as extremist because of the systematic use of physical violence and the presence of victims. The materials of the article may be of interest to both specialists in social studies and practical managers, as well as specialists in security issues.

FUNDING: The research was carried out with the RFBR and EIS financial support within the framework of scientific project no. 20-011-31650.

KEYWORDS: hatred groups, schoolshooters, Jail Rough Unity (J.R.U), radical extremist activity, speech aggression, criminal subculture.

FOR CITATION: Krasikov V.I. (2020). Teenage hatred in Runet, *Management Issues*, no. 6, pp. 81–93.

REFERENCES

1. Bareev M.Yu., Kachurina I.O. (2019). YouTube as a factor in the formation of the protest potential of youth, *Regionology*, vol. 27, no. 3, pp. 572–587.

2. Nikitina T.A., Terentyeva I.A. (2019). Countering the spread of extremist ideology in the information space of Russia, *Bulletin of the Volga Institute of Management*, vol. 19, no. 3, pp. 100–106.

3. Butenko A.S. (2019). Extremism on the Internet: concept and essence, *Jurist-Pravoved*, no. 2 (89), pp. 57–61.

[13]RSCI AuthorID: 75720, ORCID: 0000-0002-8850-5550

4. Pashchenko I.V. (2018). Ideology of Terrorist Communities on the Internet: Distribution Technologies and Specificity of Counteraction, *Caucasian Science Bridge*, no. 1 (2), pp. 12–24.

5. Butkevich S.A. (2018). Extremism and terrorism in cyberspace: detection, neutralization and prevention, *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs*, no. 1 (39), pp. 17–22.

6. Nerubenko A.S., Eliseeva E.S. (2018). Extremism as a social and legal phenomenon: the spread of extremist materials on the Internet, *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1, pp. 41–44.

7. Boldyrev E.V., Gontarenko N.N. (2020). Youth Extremism on Social Media: An Analysis of Major Trends and Countermeasures. Review, *NTsPTI*, Iss. 2 (21), pp. 37–46.

8. Muryukina E.V. (2017). Media educational analysis of terrorist sites for youth, *Media Education*, no. 1, pp. 198–212.

9. Rudik M.V., Volkov D.V. (2017). Social networks as a means of spreading extremism, *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs*, no. 2 (36), pp. 32–35.

10. Klyuchko E.I. (2016). Socio-integrative aspects of the discursive practices of nationalist Internet communities, *Bulletin of SUSU*, Series "Social Sciences and Humanities", vol. 16, no. 2, pp. 69–73.

11. Styshinsky M. (2016). Jihadist propaganda on the Internet and social media, *Political linguistics*, no. 5 (59), pp. 158–164.

12. Bykadorova A.S., Churilov S.A., Shapovalova E.V. (2016) Extremization of the Internet youth audience, *Kazan pedagogical journal*, no. 3, pp. 181–184.

13. Ushkin S.G. (2014). User comments on protest actions in the Russian-language YouTube segment, *Sociological Research*, no. 6, pp. 127–133.

14. Antonova Yu.A. (2012). Virtual community in a social network as a way of spreading extremist ideology among young people, *Political linguistics*, no. 4, pp. 71–80.

15. Salimovsky V.A., Ermakova L.M. (2011). Extremist discourse in the Russian Internet mass communication, *Bulletin of the Perm University*, Iss. 3 (15), pp. 71–80.

16. Kuzmin A.G. (2008). "Right" Internet in Russia: Specificity of Development and Problems of Resistance, *Politex*, vol. 4, no. 3, pp. 75–96.

17. Menyailo D.V., Ivanova Yu.A., Menyailo L.N. (2019). AUE – criminal youth movement: essence and methods of distribution, *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 3, pp. 107–111.

18. Chirun S.N. (2019). Youth "AUE" as an integral phenomenon of Russian postmodernism. Monitoring of public opinion, *Economic and social changes*, no. 1, pp. 49–65.

19. Demidova-Petrova E.V. (2018). Information factor in the determination of modern juvenile delinquency (on the example of the phenomenon of "AUE"), *Criminology and criminalistics*, no. 1, pp. 20–23.

20. Karpov V.O. (2018). The Cult of Columbine: the main determinants of mass murder in schools, *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, vol. 9, no. 4, pp. 442–446.

21. Samosvat O.I., Brezhnev T.S., Shmeerova E.R. (2020). The effectiveness of blocking destructive groups in social networks, *Bulletin of the Moscow State Regional University* (electronic journal), no. 1, pp. 109–122.

22. Grebenshchikov A.A., Grebenshchikova L.A. (2019). Promotion of socially negative behavior among minors as a socially dangerous phenomenon, *Problems of law enforcement*. Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs named after I. D. Putilin, no. 3, pp. 24–28.

23. Malakhova E.V. (2014). Methodological approaches and principles of research of modern youth subculture, *Izvestia MSTU "MAMI"*, vol. 5, no. 1 (19), pp. 129–132.

24. Marshall Hodgson. (2013). History of Islam: Islamic Civilization from Birth to the Present Day. Moscow, Eksmo, 1484 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Vladimir I. Krasikov – Advanced Doctor in Philosophical Sciences, Full Professor; All-Russian State University of Justice (2/1, Azovskaya St., Moscow, 117638, Russia); KrasVladIv@gmail.com.